

Женщина в шапке, с ружьишком, с мечтой

В общем, все просто: власти думают о нас! А чтобы знать, что мы думаем о власти, нанимают социологов. Из ВЦИОМ - Всероссийского центра изучения общественного мнения.

А ВЦИОМ нанимает нашего сегодняшнего героя для того, чтобы знать, что думают иркутяне. Вообще. Обо всем. Не запутались? Тогда слушайте Алексея Высоцкого – он расскажет нам о нас. Точнее – то, что о нас знают все, кроме нас. Мы с Алексеем старые друзья, поэтому будем на «ты». Ничего?

- Ты говорил, что раньше Иркутская область не исследовалась крупными социологическими компаниями, почему?

- Да, ваша область выпадала из различных исследований. Во-первых, это связано с размерами рынка – здесь он не очень большой. Во-вторых, если смотреть из Москвы или Питера, то Иркутская область едина, хотя Бодайбо, Байкальск или Иркутск – это, несомненно, совершенно разные населенные пункты с точки зрения социологии. И настолько дорого исследовать область, что этим никто не занимался. Когда я первый раз сюда приехал, меня удивило то, что заказать исследование некому – подрядчиков просто нет. Потому что дорого, и везде по-разному – Братск это Братск, Ангарск это Ангарск, про севера я уже вообще молчу.

- То есть ты «первокопатель» Иркутской области?

- Нет, в Иркутске есть сильная социологическая школа, но это вещь в себе, то есть здесь очень много работают в режиме самоиндукции. Есть темы Байкальской Сибири, исследуются межконфессиональные отношения, но мне представляется, что центральной проблемой иркутских социологов является тот факт, что им не с чем сравнивать – они все изучают внутри себя. И получается социология «исторического типа». Вот есть объект, замкнутый сам на себя, и мы его изучаем вдоль и поперек, при этом не рассматривая, как он движется внутри системы.

- Какие же мы с точки зрения человека из Калининграда? Кто мы, богоизбранные иркутяне?

- А вот ты сам и ответил на свой вопрос. Я еще ни разу не встречал людей, которые определяли бы себя термином «богоизбранный». Смотри - есть Иркутск, и если не брать людей работающих, людей лечащих, учащихся и так далее, то это в первую очередь – понты. Причем понты кладбищенского свойства. «У нас очень печально, - говорят иркутяне, - зато очень спокойно и мы очень особенные люди». Здесь я отойду от социологии и войду в культурологию. Что меня поражает в Иркутске, это какая-то маниакальная любовь, например, к Италии и вообще к Европе.

Вот вынь да положи - туда надо обязательно съездить. Что они там делают, что они там смотрят, а главное, что они назад привозят – я не могу понять. В смысле - то ли они там плачут, то ли они здесь плачут, когда приезжают и понимают что здесь по-другому. Это первая вещь, которая очевидна.

- Погоди, я попробую развить мысль. Я всегда думал, что мы движемся в Азию, количество чартеров в Таиланд...

- АААААА, погоди, чартеры это чартеры, это от бедности, а не от богатства, если бы оно было, то чартеры летали бы и на Кубу, и в Латинскую Америку. Вопрос не в этом. Иркутск с бешеной силой в своих внутренних позывах тянется к европейскости. И отсюда этот лифт, который на самом деле и не лифт, связанный с Москвой. Лет пять назад он еще был лифтом в смысле карьеры, а последняя волна миграции - это что-то, организованное по принципу: хоть я буду улицы мести, но непременно надо попасть именно в Москву. Это не лифт, это, блин, мазохизм какой-то. Страдальческое европейчество – это отличие Иркутска от других городов.

- Это у всех иркутян проявляется, что ли?

- Конечно, нет. Это вот ваша так называемая элита.

- А у нас есть элита?

- Ну, как носители регионального контекста – да. Я элиту определяю для себя как носителей образов будущего – планов, мечты, содержания. Это люди, которые живут как в проекте. Они что-то проектируют, что-то создают, и в этом смысле идеальным всегда является сочетание политической, научной, бизнес-элиты, творческой и еще какой угодно элиты. Хорошо, когда все эти люди отвечают за некое развитие. В этом разрезе у вас по раздельности элиты существуют, но внутри себя они живут как архипелаги – все порознь, хоть и очень близко. И у ваших элит нет даже сил друг с другом ругаться. Потому что, если бы они ругались - у них бы чего-то да получалось.

- То, что было с Тишаниным, это еще не ругачка?

- Нет, не надо путать Божий дар с яичницей. Потому что очень частные и очень узкие интересы групп людей не могут подменяться неким элитарным содержанием. У вас вообще отсутствует хоть какой-то диалог. Ругаются, не ругаются – черт с ним, но сочленения элит без диалога нет. Отдельно все группы элит есть. А единой иркутской элиты нет! Нет пространства, в котором можно хотя бы поговорить о будущем области. У ваших элит нет приемников. Передатчики есть - а приемников нет. Причем вещание идет на максимальной мощности. И глушит все вокруг. Вот пример. Мы проводим массу экспертных опросов, но только не в Иркутской области. Ваши эксперты будут обещать, но никогда не встретятся – как бы чего не вышло. Везде это самая простая часть работы, а здесь это гигантская проблема.

- Это страх.

- Бердяев сказал, что отличие русского человека от европейского в том, что европейский человек сугубо предусмотрительный. А русский – осмотнительный. А иркутяне осмотнительны более, чем кто-нибудь в стране.

- Значит, иркутяне – это те партизаны, которые еще сорок лет после войны поезда взрывают, так как из лесу не вышли?

- Не надо себя хвалить. Никакие вы не партизаны. Вы обычные советские люди, привезенные сюда в рамках советской программы расселения народов. Кроме Иркутска, конечно. И теперь считать, что тут возникло что-то неожиданное – неверно. Иркутск – в силу исторических причин другой. Но вся остальная область - нет.

- То есть Иркутск от области отличается?

- Очень. Катастрофически.

- А в чем различие? Если выразить эту мысль в простых словах.

- Иркутяне образованные. Очень часто даже на фоне страны. Статус образовательного центра дает о себе знать. Я это вижу по способности даже простых иркутян судить о самых сложных вещах. А в области – чтобы судить о вещах, достаточно первого канала нашего телевидения.

Вторая очевидная вещь – в Иркутской области нет единого информационного пространства. Существует только информационное пространство областного центра и нечто находящееся на стадии полураспада на всех остальных территориях. И если Иркутск управляется сам из себя, то во все остальные точки информационное содержание приносится исключительно с федерального уровня. Те издания, которые позиционируются как областные, на самом деле и контент, и производство, и распространение у них полностью местное – иркутское.

- Местные элиты постоянно опасаются варяжества. Это что?

- У меня есть теория, что из-за отсутствия элитарности в области отсутствует всякая способность ассимилировать варягов.

- То есть в нашу действительность не может вписаться ни один варяг?

- Дело не в этом. Он может и хочет вписаться. И не надо считать, будто в России где-то что-то по-другому обстоит в смысле варягов. Везде прислали варягов – если рассматривать должность губернаторов. Но практически везде главы регионов становились местными. Они быстро набирались того содержания, которое и до них уже в местных элитах было. В этом смысле Иркутская область, которая внутри себя не может выработать ничего, не имеет возможности ассимилировать эти фигуры. Проблема Есиповского не в том, что

он варяг, а в том, что ему некого слушать здесь. Что он может услышать от тех людей, которые здесь живут в 25-м поколении и очень этим гордятся? Сохранение деревянного фонда Иркутска? Ну, сохранение озера Байкал – а чего носиться с Байкалом как с писаной торбой? Есть механизмы регулирования - надо брать и регулировать. А чего носиться с этим? Это все плач, это несбывшаяся мечта. В этом смысле ни одному новому губернатору и слушать-то нечего. В каждом регионе есть такой человек, который может обаять любого «толстого кота». Вот приезжает, допустим, любой министр, и везде находится человек, который предлагает что-то, что всем нравится. А в Иркутске такого человека нет. И тем для развития, которые нравятся всем, тоже нет.

- Что это мы все время говорим об элитах? А кто у нас те люди, которых принято называть простыми иркутянами?

- Есть одно очень правильное слово – нет иркутян, есть сибиряки. Конечно, если житель Иркутска приедет в Москву – он иркутянин. Но по способу самоидентификации местные жители – это, в первую очередь, сибиряки. Просто житель области – это 100 процентов сибиряк, а элита, как мне кажется, уже потеряла этот способ самоидентификации. Они уже не сибиряки.

- А кто?

- А вот я не знаю. Нет идентификации местных элит.

- А есть портрет сибиряка?

- Это женщина, сидящая в помещениях в шапке...

- Хорошо, чем простой житель Кенигсберга отличается от простого сибиряка?

- Основное различие – у вас здесь очень принято отвечать за свои слова.

- СТОП! А шеф-повар крутейшего ресторана «Стрижи» утверждает, что здесь много говорят и мало делают, что иркутские как флоридские.

- Я читал это интервью и со многим не согласен. Подчеркну еще раз важную вещь – здесь действительно намного медленнее и меньше говорят, но намного более ответственно относятся к своим словам. На западе России люди очень творчески относятся к своим обязательствам. Здесь тип проблематизации другой. Не сделаешь – можешь и умереть.

Здесь, безусловно, выше ценность коллективного, в отличие от ценности индивидуального на западе страны. Здесь люди, не состоящие ни в каких родственных связях, пытаются скучковаться за счет разных типов коллективного взаимодействия. Но иногда это просто бесит. Здесь принято при разговоре стоять к человеку на расстоянии 50 сантиметров. На западе стоят друг от друга на расстоянии 2 метров. Здесь другое ощущение личного пространства - его намного меньше.

А вообще здесь, конечно, Россия. Местные люди не чувствуют себя чужими по приезду ни в какое другое место. А приезжая сюда, любому другому россиянину всего-навсего надо выучить только слово «маленько», и все, свой.

- А это наше слово?

- Маленько, малехо, помаленьку – эти слова я слышал только в Сибири. А! Есть еще одно отличие. Принимая решение по взаимодействию с другими людьми, сибиряк запросто может взять ружье и выстрелить. Это крайне нетипично для всей остальной страны.

- Что, сибиряки более склонны к насилию?

- Нет. Просто вы допускаете такие управленческие решения во взаимодействии с другими людьми, которые везде просто недопустимы. Это не агрессия. Вы позволяете себе то, чего другие не могут себе позволить.

Разузнавал о себе и себе подобных Сергей Беспалов.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Доставляем журнал "Иркутские кулуары" нашим читателям. Стоимость доставки 100 рублей. Телефон службы

доставки: 8-964-1257227.

Весь номер журнала в формате PDF: <https://rubabr.com/kuluar/9.pdf>

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ОБЩЕСТВО, БАЙКАЛ 👁 8114 10.02.2009, 14:59 📄 673

URL: <https://babr24.com/?ADE=50702> Bytes: 11096 / 10852 Версия для печати Скачать PDF

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ИРКУТСКИЕ КУЛУАРЫ"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)